

A landscape photograph of a pond with a tree and its reflection. The tree is on the left side of the frame, and its reflection is clearly visible in the water. The background shows a grassy field and a line of trees.

Анатолий Курочкин

Талицы
От крыльца
до причала

18+

Анатолий Курочкин Талицы. От крыльца до причала

<https://litres.ru/74000531>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эти небольшие рассказы не всегда являются абсолютно документальными. Иногда присутствует фантазия, а точнее – моё восприятие тех, или иных событий. Не всегда я пишу фамилии героев, бывает, что не всем нравится публичность. Но кто знает меня, тот понимает, про кого написано. Это не мемуары. Это просто попытка описать то, что я старался понять через многие события.

Анатолий Курочкин

Талицы. От крыльца до причала

Предисловие

Откровенно говоря, я не ожидал такой очень доброй реакции после выхода первой книжки «Отрезки». Я очень благодарен всем – это очень мотивирует и поддерживает. Значит это кому-то нужно, значит кто-то думает в тех же ориентирах, что и я.

Эти небольшие рассказы не всегда являются абсолютно документальными. Иногда присутствует фантазия, а точнее – моё восприятие тех, или иных событий. Не всегда я пишу фамилии героев, бывает, что не всем нравится публичность. Но кто знает меня, тот понимает, про кого написано. Это не мемуары. Это просто попытка описать то, что я старался понять через многие события.

Я очень благодарен, безусловно Вячеславу Ивановичу Лысакову – умеет он разбудить инициативу. Его оценку я очень ценю!

Нина Ивановна Габдулганиева (Беляшкина) является несомненным соавтором и первой и второй книги. Она столько всего помнит! А сейчас она осталась для меня самой важной представительницей того поколения.

Очень дорожу оценкой моих записочек Александром Ивановичем Гавриловым – для меня он просто Саша. Он никогда не хитрит и не обманывает.

Благодарю всех, кто отозвался на мой скромный труд: сестру Светлану Борисовну Баринову (Самсонову), Нину Алексеевну Гаврилову, Елену Владимировну Фанаеву, сына Евгения.

Низкий поклон незнакомым людям, которые откликнулись и дали оценку моим рассказам!

Поминальник

Есть у нас не очень толстая книжечка размером примерно восемь на двенадцать сантиметров. Очень потрепанная, обложка грязно-коричневая, поеденная жучками, а внутри – желтые листочки. Еле заметная подпись от руки: «Евдоким Курочкин».

Внутри – много-много имен, неизвестных мне имен. Попытаюсь написать то, что знаю я. Иногда все довольно запутано: люди умирали, уходили в рекруты. Для простоты я заменю дворовые фамилии на привычные нам отчества.

Фамилия Курочкин относится к группе так называемых «куриных» фамилий с общей основой «кур», т.е. «петух». В данном случае фамилия образована от нарицательного «курица». Еще в древности курица являлась символом материнской заботы, а также провидения.

В христианстве наседка с цыплятами олицетворяла Христа со своей паствой. Скорее всего, прозвище Курочка полу-

чила женщина за особо трепетное отношение к своим детям. Одно из ранних упоминаний прозвища относится ко второй половине XVI века: в «Ономастиконе» С.Б. Веселовского записан Курочка, крестьянин, 1579 г., Шуя Курочка. Со временем получил фамилию Курочкин.

Происходим из удельных (дворцовых) крестьян, то есть крестьян императорской фамилии. До 1797 года их именовали «дворцовыми», а потом, на основании «Учреждения об Императорской фамилии», переименовали в «удельных». Они проживали и работали на землях, принадлежавших императорской фамилии, платили оброк и несли государственные повинности.

Линия отца, **Курочкина Михаила Ефимовича**, 25.07.1930-7.04.2007.

Его жена – Курочкина (Беляшкина) Зоя Ивановна 18.12.1937 - 5.03.2013.

– дед Ефим Евдокимович (28.05.1895 г.р. – 20.11.1958), жена Прасковья Кузьминична Курочкина(Красильникова), (10.11.1898-19.05.1990).

– прадед Евдоким Макарович 1864, Анастасия Ивановна, 1871 г.р

– прапрадед Макар Титович 1837, Татьяна Ефремовна, 1835

– прапрапрадед Тит Васильевич 1810, Татьяна Никифоровна, 1800

– прапрапрапрадед Василий Андреанович 1787 г.р., умер

в 1835 г, жену его пока не нашёл.

Не нашел Андреана, надо смотреть Петровскую ревизскую сказку в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в Москве. В фонде 350 архива собрана коллекция «Ландратские книги и ревизские сказки».

Все предки отца жили в деревне Большие Талицы Макарьевского уезда Костромской губернии (теперь Ковернинский район Нижегородской области).

У **Ефима Евдокимовича** были дети: Полина (Полина-рья), Нина, Федор, **Михаил** и Аля(Олимпиада, Алла).

У Полины муж Курочкин Алексей Павлович, дети Евгений и Юрий.

У Федора жена Анна, дети Галина, Валерий, Валентина.

У Нины муж Максимычев Александр Васильевич, дети – Елизавета и Любовь.

У Али муж Самсонов Борис Васильевич и дети Светлана и Ольга.

У **Михаила** (25.07.1930-7.04.2007) дети Виталий, Анатолий, Константин.

У **Евдокима Макаровича** были дети **Ефим**, Анна, Мария и Николай.

У **Макара Титовича** были дети **Евдоким** Логин и Евдокия.

У Логина Макаровича жена Сиклителия Мартимьяновна (1869 гр), дети: Иоанн 1884 гр, Петр 1888 гр, пропал без вести в 1 Мировую, Иоанн 1902 гр, Александр Логинович (ро-

дился после 1914, пока не нашёл точную дату) – отец Бориса Курочкина и Анфисы Догадиной.

У **Тита Васильевича** был братья Мартьян, Иван и Евстигней. У Мартьяна дети Федор, Василиса, Пелагея, Евдокия, Марья. Петр, отданный в 1855 году в рекруты, **Макар**, Григорий, Иван, Федор, незаконнорожденный сын Василисы Петр Корнилов.

Линия бабушки **Курочкиной (Красильниковой) Прасковьи Кузьминичны**. Все предки её жили в деревне Марково, что километрах в десяти от Талиц.

Афанасий, год рождения неизвестен. У него дети Иван 1732 гр, Степан, 1744 гр.

У **Ивана Афанасьевича** жена Ирина Петровна 1765 гр. Дети Потап, Анна, Устинья. 14/27

Потап Иванович 1754 гр, жена Матрена Ивановна.

Дети Семион, Афанасий, Василий (1794 гр), Иван, девки Федора, Анна.

У Степана Афанасьевич жена Мавра Григорьева, дочь Анна.

Василий Потапович 1803 гр, его жена Дарья Павловна 1814 гр (вторая жена), брат Иван. Дети Дмитрий, Григорий от первой жены, Михайло, Данила, Прохор, Ксения, Евдокия.

Дмитрий Васильевич 1827 гр.

Его сын **Кузьма Дмитриевич**, родился 27 ноября. Его жена Наталья Ивановна, эта информация не проверена, ро-

дилась 25 мая. Их дети: Николай, Петр, Александра (жила в Керчи), Прасковья.

Линия мамы **Курочкиной Зои Ивановны**. Родилась в деревне Большие Мосты. 18.12.1937 - 5.03.2013.

Её дед Беляшкин Алексей умер после Великой Отечественной войны. работал в заготконторе.

Беляшкина Прасковья умерла примерно в 1960 году.

Отец **Беляшкин Иван Алексеевич** (2.4.1911 – погиб 07.1941 под Могилевым).

Его жена Гаврилова (Крылова, Беляшкина) Аксинья Алексеевна (6.02.1914 – 28.04.1974).

Их дети Зоя 1937 гр, Нина 1940 гр.

У Ивана Алексеевича был брат Фёдор, Николай, сестра Мария, Галина (Ополина в Коловодях, муж погиб, месяц по-была замужем), Александра и Клавдия.

Николай Алексеевич погиб на войне. Его жена Анастасия, уехала в Шахунью, в Широково. Её дети Юрий и Виктор.

Фёдор Алексеевич был председателем колхоза, член партии, ранен. Дочь Валентина Федоровна вышла за Виктора Шаронова. Жила на Заречной улице. Сын Иван Федорович, офицер, участник событий в Чехословакии, ранен.

Именно Фёдор продал дом в Мостах **Гаврилову Ивану Алексеевичу**.

Мария Алексеевна вышла замуж за Шапкина Василия. У Василия братья Николай, Виктор и Михаил.

Александра Алексеевна вышла замуж за Вагина Семёна.

Галина Алексеевна вышла замуж за Павлинова в Коловоях.

Клавдия Алексеевна Овчинникова (Беляшкина), дочь Ольга.

Мамин дед **Крылов Алексей**, похоронен на старом, ныне не существующем кладбище в Ковернино, рано умер от тифа. Жена Александра. Дети Андрей и **Аксинья**. У Андрея жена Надежда. Дети Андрея и Надежды - Софья, примерно 1940 г.р., Алексей, Николай, Зинаида.

Андрей Алексеевич жил в Щёгольном это брат **Аксиньи Алексеевны Гавриловой** (Крыловой). Я его помню довольно хорошо. Он с женой жил в Щёгольном, второй дом от выезда в Студенцы.

После войны **Аксинья Алексеева** вышла замуж за **Гаврилова Ивана Алексеевича** (1.07.1920 гр). Был неграмотным, день рождения написали наугад, документы сгорели в Чащовке, где они жили. Когда учился на шофёра, то ему материал читал его брат, а он запоминал его на слух. Воевал.

Дети Ивана Алексеевича: Юрий, Александр, Владимир и **Зоя** с Ниной.

Гаврилов Иван Алексеевич родился в деревне Чащовка. Мать - Марфа. Был брат Павел, но от разных отцов, своего отца Иван не знал. После войны он жил у бабы Степаниды (Стеши) в Больших Мостах. В Ковернино жил Анатолий Овчинников, племянник деда Ивана, значит была ещё одна сестра.

Где похоронены **Марфа и Алексей** неизвестно, возможно на чащёвском кладбище, живо ли это маленькое кладбище? Деревни той нет лет пятьдесят, я помню, как мама пришла и сказала, что всё, не будет больше Чащёвки, объявили неперспективной и отрезали электричество.

А красивая была деревня!

История
Октября 13 года
Масте 25 Ма
Евралю 28 Ма 2 мая 1920 года
Мамта - 14 мая 1921 год 1 пост
Молодая мамта 26 года
Пете 17
Помовому

Постановку
29 Казак го
ОМ скор

Записка Прасковьи Кузьминичны. Найдена в 2026 году

Небольшое исследование

Это небольшое исследование может раскрыть очень малоизученную страницу в истории нашего ковернинского края.

Можно начать с очень простого вопроса. Что поляки забыли в Костромской губернии у наших соседей, когда их повстречал Иван Сусанин? И сейчас леса между Костромой и Ковернино огромные и малопроходимые. Ну понятно, что искали они Михаила Романова. Михаил Романов тогда после ссылки в Сибирь остался чуть не единственным из рода Романовых, ещё и царём-то не наречён.

Я не историк, я не буду спорить с теми, кто считает, что если послать в огромное лесное Заволжье сотню польских солдат, то они совершенно спокойно найдут там Романова. Но мне кажется, что был в те времена ковернинский край ближе к проторенным торговым путям, чем сейчас. Можно взглянуть на карты французского генерального штаба 1706 года. Там, например, видно, что есть и река Уза, и поселение Хохлома, и торговая дорога Кострома-Вятка. Значит много мы ещё не узнали и не изучили.

Есть деревня Большие Талицы. Сейчас это две улицы, а до Великой Отечественной войны деревня была может быть в два раза больше. Многие жители долго помнили страшный пожар в 30-х годах, когда сгорело очень много домов до самых Глиняных ямок. Стоп! А почему «Глиняны ямки»? Ведь русский человек сказал бы «Глиняные ямы», почему

так?

Нижегородские историки говорят о нескольких периодах заселения наших краёв поляками: после Минина и Пожарского было, наверное, самым массовым заселением поляками. В нашей Заузоле многие с детства слышали легенду о богатом, именно богатом поляке, который влюбился в бедную девушку. Не разрешили им пожениться и тогда спрыгнули они с высокого узольского откоса вниз и погибли. Этот откос и сейчас пугает своей высотой на улице Октябрьской. И появился, говорит легенда, там ключик.

Так что же с «Глиняным ямками»? Я написал письмо своим польским друзьям и попросил их написать, как на польском будет аналогичное название. Вы не поверите: Gliniane Yamki!

Такая вот занимательная история. И сейчас у нас в районе очень распространена фамилия Гореловские. И я слышал ещё в детстве, что часть предков этой замечательной фамилии были польского происхождения.

Такие загадки. А многие ли знают у нас о Григории Талищком?

По мнению Павла Мельникова-Печерского, Григорий родом из деревни Талицы (ныне Ковернинский район Нижегородской области). Вот что он пишет:

«Григорий Талицкий был родом из Талиц, отчего и прозывался Талищким. Талицы Большие и Талицы Малые — две смежные, составляющие одну населенную местность, де-

ревни, Макарьевского уезда, Костромской губернии, на границе Семёновского уезда, Нижегородской губернии, близ реки Узолы, известного по своей торговле удельного села Ковернина. Население Талиц сплошь раскольническое. Верстах в пятнадцати от Талиц начинались керженские и чернораменские скиты. Раскольники в Талицах самые закоренелые. В окрестностях жители, желая сказать о ком-нибудь, что он упорный раскольник, говорят: «да он что твой Талицкой». Мысль, что Петр I — антихрист, по сих пор держится в Талицах, и сохранилось предание, что кого-то из их деревни антихрист-Петр мучил: на Москве живьём жёг».

В 1700 году он изложил свои воззрения в «тетрадах», читал свои тетради в народе, распространял рукописные копии с них и даже пытался их напечатать. Высказываемые Талицким взгляды получили широкое распространение среди старообрядцев, а также среди некоторых представителей духовенства и боярства. В числе, если не сторонников, то почитателей Талицкого находился и царевич Алексей Петрович.

Следственное дело о Талицком возникло по доносу некоего певчего дьяка Фёдора Казанцева, который в июне 1700 года сообщил в Преображенский приказ следующее: его сестра и муж её «живут у книгописца Талицкого и слышат у него про государя всякий непристойные слова; да он же, Гришка, режет неведомо какие доски, хочет печатать тетради и, напечатав, бросать в народ».

Для поисков бежавшего перед арестом сочинителя анти-

петровских «прелестных тетрадей» Григория Талицкого летом 1700 года из Преображенского приказа разослали по всей стране. За его поимку была обещана колоссальная по тем временам награда — 500 рублей. Талицкого поймали в Коловоях уже через два месяца.

Сначала он во всём заперся, но после пытки признался, что составил письмо, в котором говорил о наступлении последнего времени и о пришествии в мир антихриста, под последним действительно разумея царя, писал он также и другие письма в укоризну государю, советуя народу от него отступить, его не слушать и податей не платить; в тех же письмах предлагал он стрельцам, воспользовавшись случаем, когда Пётр пойдет на войду собраться в Москву и на царство выбрать «князя Михаила», то есть боярина князя Михаила Алегуковича Черкасского, от которого народу будет добро, так как он милостив.

Списки со своих воззваний Талицкий, по его признанию, давал читать своим друзьям и единомышленникам, а некоторые статьи об антихристе и последних временах вырезал на доски, намереваясь отпечатать их и раздать в народ с целью возмутить его на убийство государя. Далее, отчасти из признаний самого Талицкого, отчасти из свидетельских показаний выяснялось, что «поносные слова» о государе высказывал он и в устных беседах с разными лицами; говорил об этом, например, с тамбовским епископом Игнатием, который, слушая его речи, рыдал, рыдал и над чтением напи-

санного в тетрадах, целовал последние и просил Талицкого дать ему список с них; выяснилось, что подобная же беседа была у Талицкого с князем Иваном Ивановичем Хованским, также отнесшимся сочувственно к его речам; некий поп Андрей показал, что Талицкий называл Москву Вавилоном, а государя антихристом и говорил: «Какой он царь, сам людей мучит», про царевича выразился: «От недоброго корня и отрасль недобрая», и наконец высказал угрозу: «Как я с Москвы скроюсь, то на Москве будет великое смятение»; монах Матвей рассказал на снятом с него допросе, что Талицкий однажды, явившись к нему в келью, говорил: «Что вы спите? Пришло последнее время; в книгах пишут, что будет осьмой царь антихрист, а ныне осьмой царь Петр Алексеевич, он-то и антихрист».

Так как увещания не дали благоприятного результата, то над Талицким был наряжен суд из бояр, который приговорил: «Гришку Талицкого казнить смертью, других бить кнутом и сослать в Сибирь; тамбовского епископа Игнатия, расстриженного, сослать в Соловки». Был привлечён к этому делу и князь Хованский, но умер до окончания его.

Часто встречается указание, что Талицкий по приговору бояр вскоре после суда над ним был казнён. Между тем на полях одного из докладов синода об упорстве раскольников в своём мнении имеется собственноручная пометка Петра, из которой видно, что Талицкий действительно был подвергнут казни через копчение, но не стерпел её и стал каяться,

после чего был снят с костра и вновь допрошен; на этом допросе он признал, что все, чему учил, — ложь. Вследствие отречения от заблуждений казнь ему была заменена ссылкой в Сибирь.

Сочинение Талицкого стало распространяться нелегальным образом в множество копий и считается столь опасной, что по приказу царя митрополит Стефан Яворский пишет специальный трактат против ней с заглавием «Знамения о пришествии Антихриста» (1703) и «Увещание». Такие вот истории.

Талицы

Все-таки я попробую описать вам, что такое Талицы.

Ну а кто ещё напишет? Почему-то нам даже в школе ни разу не давали задание написать сочинение про Талицы. А ведь интересно бы было потом, через многие-многие годы все это прочитать. Сейчас-то народ разбежался кто-куда, попробуй все это снова собрать, вспомнить уточнить? Вряд ли получится. Вот дали бы в школе задание написать про своих предков, про деревню, может бы и задумался гораздо раньше про то, что было, расспросили бы мы своих родителей, да ещё молодых бабушек. Ладно, напишу сейчас быстренько, пока все вокруг спят.

Тогда уж надо как-то официально начинать. Деревня Большие Талицы и деревня Малые Талицы. В Больших две улицы, а в Малых только одна. Малым-то так и не достался от советской власти асфальт, а теперь уж и не дожждаться вовсе. А в Больших на одной улице асфальт лежит. Вторая улица называется Татарша. Откуда такое название я не знаю. И никто не изучал никогда эти прозвища. Вот лес перед деревней называют – Бабениха. Откуда это?

Обе Талицы разделяет река Талка, да и не река, даже не речка, не речушка – болотина да бочаги, в которых женщины бельё полоскали, а пацаны гольцов, да лягушек ловили. Весной она конечно разливается, как настоящая серьёзная река. Не проехать, не пройти, поэтому между деревнями мост всегда был. Да и сейчас стоит.

Когда ещё лесовозами лес таскали, так деревянный-то за месяц в щепку долбили. Лесовозу-то что – он и через речку на своих трех мостах проедет, а людям как? А там, за речкой клуб, да магазин. И построили у нас мост железобетонный.

Деревня прижимается к лесу, а с другой стороны – поля. А над полями, над деревней через овраг такой долгий холм, взгорок. Называется он «Глиняны ямки». Если пешком туда идти, так маленько задышишься. Уж лучше на машине. Я спрашивал у людей ученых, почему такое необычное название. Не «глиняные», а «глиняны», не «ямы», а «ямки». И мне что-то рассказывали про старинный польский след в названиях в этих местах. А потом мне мои друзья из Польши сказали, что да, похоже на польский язык. Ну может быть, кто только не жил тут у нас. Три волны польского заселения было. И староверы, и бунтари всякие. Прятались, скрывались, покой искали. Ну и живи, добрый человек! Там и правда хорошую глину добывали. Как перестройка началась, так дядя Боря мне предлагал кирпичный завод там сделать. Хорошая там глина, говорил.

Что-то не получается у меня быстро про деревню написать.

У деревень наших ведь какая-то особая судьба. Судьба это очень тихая. Нигде и никто не кричит про деревни. Деревня всегда в тени. Ни славы никакой, ни орденов на знамени. Да и знамени-то нет никакого. И некоторые деревни исчезали незаметно, как и не было их. Как одинокие старички. Сосед-

няя деревня Чашёвка, там дед Иван родился. Дом их сгорел вместе с документами, так и не знал никто про день рождения Ивана Алексеевича, записали 1 июля 1920 года. И деревни той давно нет, в шестидесятых никому она не нужна стала, так получается. Провода отрезали и все дела, закончилась история. А в той деревне родился, между прочим, Герой труда Вагин М.Г.. Трижды деревня горела, трижды отстраивалась. И вот нету Чашёвки.

Кто-то все время пытается что-то придумать для деревни, чем-нибудь таким городским наградить. Все что-то поправить в неказистой деревенской жизни. Вон, например, городские дарят цветы девушкам. Ну дари и ты, деревня не против. Только кому надо эти цветы, их вон сколько в поле растёт. Дари, конечно, в красивую вазу поставь, к окошку, пусть люди видят.

Городские любят что-то переделывать по-своему. Ну нельзя же смотреть просто на деревню и ничего не менять! В городе-то вон повесил плакат какой-нибудь, уже хорошо, уже что-то новое. «Ну ладно, повесь» - это равнодушная деревня. Часто на всю деревню-то две-три вывески: «Магазин», да «Талицкий сельский клуб». Но мы и так знаем, где клуб и магазин, это, наверное, для приезжих.

А вот кузница. Зачем на ней писать «Кузница», если и так все знают? А приезжие спросят: «Где тут у вас кузница?». «Вон, за мостом, только Юра, кузнец, сейчас дома». Ещё, скажи, расписание работы надо на стену повесить! Нет, ни-

как быстро про деревню не напишешь.

А, да – школа ещё была. Сразу за магазином и домом Рябковых. Я-то не застал эту школу, только видел уже развалины её, мы туда по рыжики (у нас так говорят: «по грибы», «по рыжики») ходили. Считалось, что там рыжики растут.

А чуть дальше кладбище. Так-то у нас два кладбища. Это считается малоталицким, а есть ещё одно – большеталицкое. Кладбища – это особая зона. Сосны там в два обхвата, а-то и в три. А вот удивительно, деревне больше трёх веков. Других кладбищ нет. Куда-же девались все те покойники? Я не знаю. Искал своих дедов-прадедов. Нет их следов – да, жили, а вот где кости их, не знает никто. И легенд никаких не осталось. Например, в Ковернино, разгромили старое кладбище, так до сих пор магазин тот называют «Живые и мертвые». А у нас ничего и вспомнить. А может люди рождались, росли, уезжали, или на войны уходили, да и оставались в других землях? Иначе, куда они все подевались? Только тех, кого я помню, наверное в два таких кладбища было бы. А так, как в небо улетели. Все стирается.

Но как-то нашел Паша Догадин памятник какому-то прапорщику Сурикову с Крымской войны. Да медаль у меня есть с той войны – нашли в конец Малых Талиц. Да первая российская копейка где-то валялась – нашёл на Глиняных ямках: всадник там с копьем.

А ведь деревне много-много лет и даже столетий. И при Петре Великом была она, да и не просто была, а была боль-

шой и известной. Жил там Григорий по прозвищу Талицкий. Человек был старой веры, упрямый, как и все земляки мои. Много чего он про царя наговорил, в Москву ездил, книги свои раздавал, да всякие гадости про Петра вслух говорил. Иродом его называл. Кто такое стерпит? Отправил царь за ним погоню, поймал его в Коловоях, а на Красной площади казнили. Стало быть знал Петр Великий про наши Талицы!

В те годы жил в Талицах и мой предок Андреан. Как-то все тесно очень в этом мире.

А Суриков Михаил Васильевич – три ордена Славы, прославленный контрразведчик.

К смерти-то как-то проще у нас относятся. Прибрали человека, ну и Спаси Господи! А рядом та самая речка Талка, она и берега подмывает, и русло меняет. Мало ли что за триста лет произошло, это ведь уйма времени. Так что много талицких похоронили в других землях.

Что-то не выходит написать быстренько.

Про Москву рассказывать просто, там все известно: что-то изучали, что-то говорили. А вот как рассказать про свою деревню? Как они жили, о чем думали? Что расскажешь про многочисленных детей и сыновей моих предков? И породнились все давным-давно: Курочкины с Догадиными, да с Шапкиными. Чащевские с талицкими, да марковскими.

Что расскажешь про страшный пожар примерно 1938 года: ни в газетах, ни в воспоминаниях нет ничего. А бабушка рассказывала, что чуть не полдеревни сгорело, аж до са-

мых тех Глиняных ямок. Сгорел и двухэтажный дом Иосифа Нечаева. Его сослали, как кулака, а на месте дома сейчас автобусная остановка. Когда её строили, так клад нашли. А про пожар 1974 года? Ну этот-то я хоть помню.

А примерно так и жили. Спокойно и рассудительно. Будет колхоз имени Чкалова! Ну, ладно, Чкалова, так Чкалова, лишь бы хлеб на столе, да крыша над головой. И переименовывали, и переподчиняли. Кто-то в лагерях пропал, кто-то так и остался на фронтах страшных войн. А теперь будет колхоз «Заря». Заря, так Заря: «Колхоз «Заря» работает не зря» - придумали вот шутку. А потом в колхоз «Ковернино»: «Те, кто хочет пить вино, приезжай в Ковернино» - шутили все.

Очень я люблю ходить вечером по деревне, когда знаешь деревню, когда-то что-то помнишь. Так и начинаешь с начала всех вспоминать: Гореловские, Гурылёвы, Егоровы, Курочкины, Суриковы. Догадины, Мелентьевы, Рябковы, Лапшиновы, Смирновы, Грошевы, Логиновы... Вот как про это все, про них про всех быстро написать можно?

Он всегда хотел быть моряком

Он всегда хотел быть моряком. С самого детства. Он – это я. Просто так красивее рассказ начинается. Как эпитафия: «Он всегда хотел быть моряком». Не было желания стать космонавтом там, или врачом, учителем. Даже про летчиков совсем не думал. Моря-то толком не видел, ну только водохранилище, в Волге купался, а вот хотел и всё! Романтики

захотелось?

Читалась любая книжка, в которой писали о море. «Лоцман» - какие же загадочные и романтические, необычайные слова. Кому скажешь, совершенно не поймут: «Бом-брам-стенга стаксель». И завел отдельную тетрадь, куда выписывал эти заковыристые слова и даже целые фразы: «Капитан, вода шумит в подветренных шпигатах». Значит корабль так накренился, что стало видно воду через отверстия. Записал.

Корабль не наклоняется, а кренится. Писали сочинение в третьем классе по картине Левитана, так взял и написал: «Береза накренилась над рекой», уж больно слово красивое. Анна Ефимовна слово подчеркнула волнистой красной чертой и поставила четверку вместо пятерки. Так-то у меня пятерки были.

Но она же не моряк. Так что ладно, пусть будет четверка. Правда Юрка списал у меня и у него тоже «накренилась» и четверка.

Задала вслух задание придумать слово и просклонять его. «Канонир», сказал я. Просто потому что у капитана Блада был канонир Огл – его близкий друг, отчаянный друг.

Взял в библиотеке Жюль Верна: «Тебе ещё рано» – сказала библиотекарьша. Как рано, если я уже всё у него прочитал?

Знал все песни про море. «Море, ты слышишь, море? Твоим матросом хочу я стать». А «И бой суровый, как во сне. И бескозырка на волне» доводила до слез. Не очень-то сначала и задумывался, что есть офицеры, есть матросы. Это мело-

чи. Все они моряки.

А в первом классе приехал в отпуск дядя Юра с Черноморского флота! Он ходил и напевал неизвестную песню: «Дочь родилась у шарманщика доброго Карла». Юра был в море, он видел его. Он очень красивый («Моряк вразвалочку сошёл на берег»), он веселый. И смотрел на него, как на такого же канонира Огла. А за наглаженный гюйс, воротничок такой, я бы все отдал, даже семицветную шариковую ручку. Но нельзя его снимать, это же форма! Но романтики захотелось ещё сильнее.

А потом уже классе в восьмом на школьные танцы пришел в морской форме Серега Верин. «Ты откуда?». «Из Кронштадта». Он был очень серьёзный и сосредоточенный. Но девушки все приглашали и приглашали его.

А в девятом на военных сборах нами командовал только что уволенный старшина 1-ой статьи Тихоокеанского флота, военкомат его на неделю к нам командировал. Он много чего рассказал. И это было последней каплей в граненом стакане будущей флотской службы.

Никто меня никуда в море не звал, никто и не знал, что такая вот мечта живет. Мало-ли, мол, о чем мечтают мальчишки! Все мечтают, не у каждого такая глупость в голове долго держится. «Видно много нагрешил, коль в матросы попал» - знал я все эти поговорки. Потом уже понял, что в поговорках все традиции флота: «Уходишь в море на день, готовься на неделю». Ну и по мелочи: «Ветер дует в компас,

вода вытекает из компаса». Не «кОмпас», а «компАс». Кто знает, тот поймёт.

Иногда пугали, особенно тётя Поля. Ах, да ах! Там волна-то какая! Там ведь ни семьи, ни дома. Мама: «Шёл бы в агрономы. Всегда при деле». А отец не удивился, когда я ему заявил, что еду в военно-морское училище. Он, мне показалось, просто не знал, что ответить. Так и сказал: «Решай сам!».

А чего там решать-то? Сел и поехал, делов-то! Одно только жалел. Что надо бросить наш ансамбль, наши гитары. Мотоцикл – ну это ерунда, все равно он не мой, а старшего брата. С девочками попрощаться – да ладно, не до них сейчас.

А Саша Курочкин сказал, он уже после армии пришел, мудрый уже был, мы все его слушались: «Едь! Захочешь петь и играть, и там найдёшь все это. А так хоть мир посмотришь».

Так что поехал. И стал сдавать экзамены. Это не тяжело, хотя когда строем нас вели на камбуз, то как-то робковато было от такого количества таких же, как я пацанов. Хотя нет, не такие. Я-то деревенский, а они вон какие – москвичи, да ленинградцы, и словечки всякие модные знают. Это у меня «пластинка», а у них «диски». У них «шубы», «старичок». Да ещё какие-то лейтенанты-отпускники с Северного флота ходят, мозги будоражат: «Вы что, не понимаете, куда вы попали? Романтики захотелось? Приказано выжить, понял, салага?». Да ещё и пропел: «Кто видел наши корабли не на

конфетных фантиках, кого [цезура], как нас [цезура], тому не до романтики...».

И сломался я. Да и Эдик написал рапорт об отчислении из абитуры. Игорь в слезах вышел от командира потока, уехал домой. Он резко захотел быть учителем. Остались-то из друзей только я, Вадим, Костя, Саня Зубарев, да Андрюха Егоров.

А я ещё и подрался с одними там длинным. До крови подрались. Он потом экзамены не сдал, плакал и мы с ним подружились снова.

Так что физику я сдавать не буду! Да и маме надо хоть что-то написать, волнуется, наверное, больше месяца прошло. Через пару дней буду в Талицах.

– Я не знаю ответ – это я.

– Совсем ничего не знаешь? – это Клавдия Петровна, экзаменатор мой, мы очень потом любили нашу старенькую преподавательницу физики.

– Совсем! – я был тверд.

– И закон Ома?

– Нет, закон Ома я знаю.

– Напиши.

Раскусила меня Клавдия Петровна, увлекла. Сколько таких через неё прошло, все она понимала. Подвела ко всему ответу и поставила четверку. Сдал, все сдал. И физо тоже – бег, да плавание.

И на полжизни я влез во флотскую форму. Сначала мат-

росские «гады» и «хромачи» (ботинки такие), а потом и в офицерские туфли. Романтика началась.

А что потом было, все и не упомнишь, и не расскажешь. Потом-то проще - четыре океана, четыре флота, куча кораблей и масса флотского народа. Народа: когда надо – злого, когда надо – веселого. Жесткого и одновременно доброго. Тропики и лёд. Холодное железо и раскалённый воздух на экваторе. Земля-то тогда была поменьше, сейчас подросла, мне все труднее передвигаться по ней. Флот – это люди и корабли. Сплошная романтика даже когда выть хочется. Здорово все-таки, что кто-то мне когда-то нужные книжки подсунул.

«До сих пор мне снятся буруны разбивающиеся о его берега и я вскакиваю с постели, когда мне чудится хриплый голос капитана Флинта: «Пиастры! Пиастры».

«Бог, храня корабли, да помилует нас!».

Балтийское море, 1984 год

Коротко про то, что было

С 1959 по 2004 год наша страна производила испытания межконтинентальный баллистических ракет (МБР) на предельную дальность в район центральной части Тихого океана, полигон под названием «Акватория». Это район официально закрывался для плавания всех кораблей и судов, для пролётов самолётов, об этом сообщало ТАСС.

Это очень удаленный район, где вероятность появления иностранных судов минимальна. Для произведения испытаний на Тихоокеанском флоте ВМФ СССР существовала 35 бригада кораблей измерительного комплекса с легендарной прикрытия Тихоокеанская океанографическая экспеди-

ция («ТОГЭ-4», «ТОГЭ-5»). Никакой океанографией бригада никогда не занималась, а занималась испытаниями баллистических ракет и обеспечением космических запусков. Всех без исключения.

Каждый выход кораблей ТОГЭ в район падения головных частей во время испытания советских МБР сопровождался появлением в том же районе кораблей США аналогичного назначения и отряда американских эсминцев, авиации. Чаще всего в 60-80-е годы это был USNS «General H.H. Arnold», реже – USNS «General H.S. Vandenberg». Как правило, присутствие кораблей США сопровождалось всякого рода инцидентами. Иногда простенькими, но несколько раз это могло привести к очень серьёзным последствиям.

Вот как описывает одно из происшествий с американским кораблем «Генерал Ванденберг» заместитель командира 35 бригады по специзмерениям капитан 1-го ранга Литвинов В.С.

«Многие ветераны помнят, так называемый, «инцидент с «Генералом Ванденбергом». Чаще всего мы «работали» с другим кораблём США - «Генерал Арнольд», но он тогда встал в ремонт, он был самым активным. И командир «Арнольда» хорошо знал нашу тактику, знал все существующие опасности. «Ванденберг» же был не таким опытным... Осенью 1976 года корабли ТОГЭ пришли и заняли позиции в полигоне. На флагманской «Сибири» находился командир Экспедиции капитан 1 ранга Энгельс Яковлевич Краснов и

его заместитель капитан 1 ранга Владимир Сергеевич Литвинов. Планировалось 2 или 3 пуска. В этот раз было решено размещать корабли не по типовой схеме треугольника, а поставил их вдоль одной линии.

Пошли первые 3 головы. Их разворот, разброс был незначительным в пределах группы кораблей, а натовцам известна плоскость стрельбы, стандартные схемы ордера, они уже заняли этот известный им наш треугольник. Ближе к концу, к точке прицеливания становился «Генерал Ванденберг» и по их мнению, если на него полетит ракета - он спокойно её двумя антеннами удержит, отследит.

Если есть сторожевой корабль, то он, как только ракета падала в точку, полным ходом шёл туда. В противовес им наш лётчик должен был выполнять очень сложную задачу: никакой навигации не было, он по нюху, по ветру, по расчёту должен подлететь как можно ближе к точке прицеливания ракеты, упасть как можно ниже и передать сигнал на корабль.

Ракета летит, она уже над СССР, пролетела Камчатку. Приняв всё это по связи, Литвинов поднимается в штурманскую рубку, чтобы уточнить позиции кораблей. Готовность 30 мин. И вдруг: «Генерал» стоит в точке нашего прицеливания! К Краснову: «Товарищ командир, Вы знаете?» – «Знаю! И они тоже должны знать!»

От точки падения до «Генерала» было всего несколько метров, а в головной части десятки килограмм взрывчатки!

Командир вертолёта рассказывал: «Я лечу прямо на точку прицеливания и вижу, что у меня по носу американский корабль. Ничего не пойму, не должно быть так - обычно он далеко стоит! Штурман, проверить расчёт! Штурман: «Летим, как можем, все правильно». Американцы высыпали на палубу, машут руками, фотоаппаратами щёлкают, плакаты вывесили: «Как дела, Москва?» - как дети. И вдруг как бабахнет! Лётчики видели, как американцы кинулись с палубы корабля во внутренние помещения, сбивая друг друга. Потом пришла разведсводка флота, была выдержка из газеты, где было написано, что осколки попали к ним на палубу, на корабле образовалась паника, ситуация была критической».

А так описывает очередной инцидент американская газета (вырезка из газеты «The Palm Beach Post», 1 июля 1975 г).

«Часть макета советской ракеты упала на палубу американского корабля в Тихом океане в начале этого месяца, сказал вчера обозреватель Джек Андерсон.

«Это был несчастный случай, который должен был помочь экспертам лучше понять новое советское ракетное оружие», - заявил Андерсон.

Советы объявили, что они будут проводить огневые испытания ракет в Тихоокеанском регионе и предупредили о закрытии определенной области для судоходства. ВМС США, следуя своей обычной практике, направили корабль для контроля за испытаниями.

Ракета, выпущенная из центральной России 3 июня, была гигантской SS18, которая может нести до восьми боеголовок. Это одна из четырех видов ракет, принадлежащих новому поколению.

«Ожидалось, что ни одна из боеголовок, не упадет ближе 3,5 миль от Ванденберга», - сказал Андерсон. «Но за две минуты до падения траекторные измерения показали, что одна боеголовка направлялась непосредственно на корабль». Он сказал, что боеголовка по-видимому распалась на две части, одна упала в океан, вторая на палубу корабля.

«Конечно, корабль торжественно привез обломки для анализа военным», - сказал он. Андерсон сказал, что он разговаривал с членами экипажа Ванденберг, который сейчас в Перл-Харборе, и они подтвердили, что у них не было времени чтобы уклониться.

Тем не менее. Министр обороны Джеймс Шлезингер сказал в своей последней пресс-конференции, что обломки упали в 100 ярдах от одного из судов наблюдения.

Андерсон также сказал, что это были обломки макета боеголовки, а не реальной».

А это немного сокращенный рассказ матроса с «Генерала Арнольда» про один из таких случаев..

«Рассказывает Билл Льюис, USNS «General H.H.Arnold», 1964-67 гг.

Самое опасное место, где мне доводилось бывать, было также одним из самых красивых. Камчатский ракетный

испытательный полигон находился в Тихом океане. Это было около сто восьмидесятого меридиана в области, которую древние моряки называли «Владением Золотого Дракона». Там были потрясающе чистые воды.

Крошечные светлячки танцевали около антенн, капли морской соли искрились убийственным огнем, вызванный сыростью, энергией радара пятнадцати миллионов ватт.

Устойчивая вибрация гигантских турбин была успокоительной, как и нежный всплеск, который издавала носовая часть корабля, медленно рассекающая спокойные воды. Тарелки радара плавно перемещались через их сетку поиска, хотя все судно дрожало каждый раз, когда они останавливались и меняли направление.

Внезапно мечтательность была нарушена хриплым звуком, ревушим голосом громкоговорящая система корабля победно объявила, «Излучение от ракеты обнаружено! Автоматическое отслеживание! Держать пятьдесят, машина двадцать три!».

Наши глаза устремились на антенны, затем уставились глубоко в пустоту вдоль направления, на которое они указывали. Не было мчащейся ракеты, которая привлекла бы наше внимание, только единственная яркая звезда, мерцающая в черной ночи!

Нервный смех. «Эти идиоты следят за Венерой» - сказал кто-то.

Но антенны были неподвижны. Никогда антенны не бы-

ли неподвижны во время отслеживания! Это было неестественным для антенн – быть неподвижными. Такого не бывает?

Яркая звезда? Она не двигалась, только светила. Но ракеты всегда двигаются! Они перемещаются вверх, вниз, в стороны - в зависимости от точки зрения наблюдающего. Но они всегда двигались и антенны всегда перемещались с ними. Но эта звезда висела неподвижно на чернильном небе.... эта звезда висела неподвижно и антенны были без движения....и эта звезда становилась всё ярче и ярче!

В десяти тысячах квадратных миль испытательного полигона только одно место позволяет наблюдателю рассматривать приближающуюся ракету как неподвижную с нарастающей яркостью! И это место наше! Ужас понимания охватил нас с отвратительным эффектом!

«Боже мой», произнес голос, «Они собираются поразить нас!».

Я отступил назад и споткнулся о свернутый кольцом провод. Соленый вкус крови наполнил мой рот, в то время как горький вкус желчи встал в горле. Звезда всё еще росла ..., и тем не менее она не перемещалась! Всё ярче и ярче всё больше и больше! Это был злобный глаз какого-то ужасного монстра, который ищет меня с неба. Хотя палуба была многолюдной, каждый человек столкнулся с этим разрушающим существом. Запах рвотных позывов страха наполнил воздух.

Я закрыл глаза, как будто это спасет меня. Закрыв глаза, я почувствовал обжигающую жару и дыхание дракона на моем теле. И затем звук, как дракон ревел... звук... этот ужасный звук. Акустический рёв транспортного средства перемещающегося со скоростью в двадцать раз превышающего скорость звука. Всплеск трех тонн ракеты, резко падающей в море на расстоянии в триста футов. «Арнольд» поднялся на волне, на рукотворном цунами. Он дико вздрогнул, когда его винт выскочил из воды. Ужасные брызги от всплеска тысяча футов высотой нахлынули на нас. И затем... все стало тихо.

Той ночью никто не обсуждал, что произошло. Некоторые, я верю, никогда не говорили о той ночи, когда они столкнулись с Золотым Драконом».

Многие слышали об американской логистической фирме «Пони-Экспресс». Но мало кто знает, что эта фирма выполняла разведывательные функции. Об их работе из книги П.Хухтхаузен, А.Шелдон-Дюпле. «Военно-морской шпионаж. История противостояния».

Был один тревожный случай, когда спускаемый аппарат приближающейся советской МБР разделился на несколько ложных боеголовок. Боеголовки плюхнулись в Тихий океан таким образом, что два американских эсминца оказались буквально в «вилке», в которой дистанция до упавших ложных боеголовок составляла менее 100 метров. Ситуацию усугубляло присутствие в этом районе советских судов ин-

струментальных измерений, которые предназначались для наблюдения за ракетой на конечном этапе ее полета. Этими судами были суда поддержки и контроля космического пространства класса «Сибирь», каждый из которых имел на борту вертолет. Присутствие в районе падения такого количества надводных судов и вертолетов часто делало его похожим на карнавал.

В районе падения головных частей советских ракет могли находиться три советских судна инструментальных измерений, американское судно и два американских эскортных эсминца — «Клод Джонс» и «Мак Моррис». Все эти корабли и суда старались занять выгодное положение по периметру округлого в плане участка моря, который объявлялся Советским Союзом опасным для навигации в международном «Уведомлении для моряков и летчиков». Подобные уведомления выпускались за несколько дней до пусков с целью недопущения входа в указанный район кораблей и самолетов, могущих попасть там под удар несущихся в восточном направлении головных частей испытываемых МБР. Добавим к общему числу участников тройку советских вертолетов Ка-25, летающих по кругу, по меньшей мере один Р-3 «Орион» от ВМС США, еще, возможно, и ЕР-3, тоже от ВМС, от ВВС США RC-135 и, иногда, С-130 «Геркулес»; каждый из них старается очутиться как можно ближе к спускаемым аппаратам и никому не уступает.

Когда советские матросы догадались, для чего предна-

значены плавающие сетки, поставленные американцами, они усложнили дело тем, что заполнили их мусором и отходами, которые они с чрезвычайной ловкостью сбрасывали со своего судна до появления спускаемого аппарата. После окончания операции американские матросы с большим интересом ожидали результатов анализа пойманного сетками улова — одна бутылка из-под «Столичной» водки, горбушка заплесневелого черного хлеба, неопознанный предмет одежды, скорее всего, носок, и так далее. Во время одного подобного испытательного пуска советский вертолет случайно упал в море. Американские корабли присоединились к поиску и спасению и подняли раненого члена экипажа, который, получив первую медицинскую помощь, был доставлен на советское судно. Несмотря на некоторые комичные аспекты этих операций, общая атмосфера была зачастую тягостной.

Ну вот так мы и вели холодную войну, если это кому-то интересно. Без обид, заявлений и сантиментов. Хотя американцы периодически передавали нам протесты на уровне МИДа.

Три моих деда

У меня было три деда. Скажете, что так не бывает? Бывает! В жизни все бывает! И деды мои все в той жизни застали, все видели. Чай, не поле перейти.

Ефим Евдокимович воевал ещё в Первую мировую, но я не застал его, только и знаю, что бабушка, да отец рассказывали. Немного рассказывали, но с годами такие мелочи всплывают, что даже удивительно. Как будто заново узнаешь человека.

Иван Алексеевич Беляшкин в июле 41-го погиб в Белоруссии, под Могилевом, погиб в лагере для военнопленных. Только и было от него одно письмо, которое очень долго шло

и пришло к бабушке Аксинье уже в январе 1942 года. Письмо потом затерялось. По этой дате и определил после войны военкомат, что пропал без вести, якобы, в январе того страшного года. Был ему 31 год, в два с лишним раза моложе меня нынешнего.

И Иван Алексеевич Гаврилов, мой третий дед, тоже воевал, никак не отвертеться русскому мужику от войн.

Аксинья Алексеевна, бабушка, была просто красавица! Я не знаю, как и где они встретились. Но уж пройти мимо Аксиньи было просто невозможно! И поженились, и стал он для её двух дочек отцом. А потом и ещё три парня родились.

Любил я очень своего деда. Худощавый, невысокий, подвижный. На сенокосе никому покоя не давал, все торопит, все ему быстрее надо. Поест окрошку и снова за косу: «Давайте, давайте, мужики, берите косы-то!».

Вы понимаете, он разговаривал с нами, с детишками. Даже не так: он разговаривал с нами, как со взрослыми, как с мужиками на делянке. Чуть крикливо, он такой – громкий был. Часто решительно, обязательно вставляя: «Натошка!» - это я, значит. И смеется при этом! Он часто смеялся. Совсем его не помню злым-то.

Только однажды, когда я чем-то отравился, так он так всех ругал, так за меня беспокоился! А мне и правда было очень плохо, я смотрел на него, как теленок на свою мамку. И он совсем не смеялся тогда. Умел, значит, ругать-то! Мы ведь вспоминаем людей по их добрым делам и поступкам. У меня

вот в голове так и осталось, что никогда дед без подарков не приезжал.

Он на лесовозе работал. То гороху охапку. Ну городские не знают, что значит «охапка гороха». Горох же, по их мнению, в банках бывает, или в пакетах. А горох растет большими такими кустами, целое поле гороха, вот он и рвал его и нам привозил целыми охапками. А-то достанет что-то из сумки: «На вот, это бабушка лесная вам передала». Мы и не спрашивали, кто это такая «лесная бабушка», сказки-то нам читали, мы знали, что в лесу всего полно. А весь подарок – это кусок копченого сала. Пока дед мотался по лесам, он весь извалялся в хлебных крошках, и грызли мы этот «подарок» со всем детским удовольствием.

Как вот не любит такого деда! Не забыть бы все это, все эти подробности!

До войны он в Чащевке жил, рядом совсем деревня. Сгорели при пожаре все документы, а когда день рождения у него был он и не знал, взяли и записали 1 июля 1920 года. А после войны в Большие Мосты переехал, купил дом у Федора Беляшкина. Мать его Марфа похоронена, скорее всего, в Чащевке – было там небольшое кладбище, помню его.

Я вот тоже уже немало прожил. Прекрасно понимаю, что значит детей вырастить да на ноги поставить. И всех ведь на ноги поставил!

Как-то ещё маленьким пожил с полгода у деда с бабкой Сергей, мой братец двоюродный. Ну пожил и пожил. Прие-

хал дядя Коля, отец его, посадил на колени и тут Иван в дом заходит:

– Папа! Папа! – обрадовался Серёга. Ну а как? Вовка с Сашей его папой называют, маленькие ещё, ну и Серёжа тоже «Папа, папа!».

А как-то взял и маленькой моей сестренке Наташе мешок песка с речки притащил – пусть играет! Девочка ведь, пусть учится куличи делать.

Заболела как-то Наташа, жили они на Вахтане, город такой. Дед взял больничный и прикатил к ним. Купил ей большие плетеные санки, новые валенки и приехал.

Ну не сиделось ему на месте! Не мог он вот не отдавать все, что имел на сердце да на душе. Ну как не любить такого деда! Он-то ведь всех привечал, Пятеро своих, да внуки-внучки.

Ну и погостились они мeleniumко с зятем. Дядя Коля всегда в больших начальниках ходил. Я и запомнил его тоже высоким, красивым, веселым и добрым человеком, любил, когда он в гости приезжал.

Так получилось, что заколол дядя Коля свинью перед приездом тестя. Да синюю светлую рубаху подарил. Вот они и жарили эту свинью, пока сестренка выздоравливала.

Бабка Аксинья потом все ворчала: чем, мол, он так полы рубахи-то замазал? Чем-чем? «Мясо жарили!» – дед сказал, как отрезал, а про то, что выпивали, ничего не сказал. Ну а обо что проще всего руки-то вытирать? Об рубаху, конечно!

Так тебе любой мужик скажет.

Ездил как-то с ним в лес. Загрузились хлыстами, выпил он малость с мужиками, ну чуток совсем. Дорогой остановился, пожевал еловую веточку: «А-то мать-то учует!». Не ГАИ опасались, а жен своих. Так вот! Хотя и не бывает в лесу инспекторов.

Время бежит. Я стал уже офицером. Он меня всегда очень уважительно встречал, хоть все равно командовал: «Натошка!». И умел ведь расспросить обо всем: про Ленинград, про моряков, про корабли, про Камчатку. И спросит так, что отвечать интересно. И все ему и расскажешь, все и выведает. Да посмеётся: «Ну, инженерА! Ну, инженерА!» - считай высшая похвала у него.

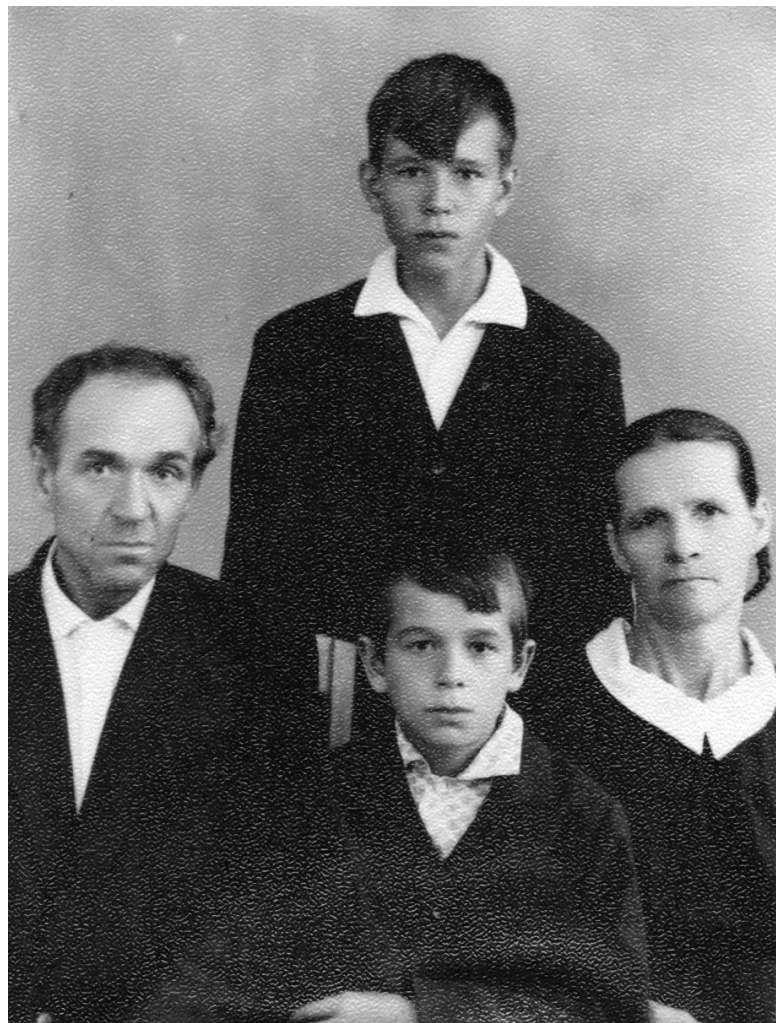
Сам-то дед Иван Алексеевич был неграмотным! Я все допытывался, как же он на лесовозе ездил? Надо же на права сдавать! Ну как? Был у него сводный брат Анатолий Овчинников, жил в Ковернино, вот брат и читал ему вслух все правила, да устройство автомобиля, а Иван запоминал. Так и сдал на права.

Мало что в жизни теперь удивляет. Может только злость какая-то из ничего у людей поражает. Или всегда так было? И любовь у нас какая-то показательная: быстро приходит и быстро уходит. Вроде как разучились любить-то, да беречь по-настоящему.

Но вот умели наши отцы и деды перейти через эту злость. Умели ухватить главное. Учись, если надо учиться. Работай,

если надо работать! Бывало ссорились – мало ли поводов для мелкой ссоры. Мирились. Растили детей. Обязанность свою наши воевавшие деды понимали строго. Жили своим внутренним законом, своей внутренней правдой. И детишек не разбазаривали, не баловали – берегли, учили, да воспитывали. Не было бы у нас этой опоры, этого твердокаменного их упорства, то не известно, чтобы из нас получилось.

Умер Иван Алексеевич очень просто: шёл по огороду, припал в борозду и все.

К моему деду

Я родился, когда четырнадцать лет назад закончилась война. Что-то понимать в этом стал лет в пять. Мы, пацаны, слышали со всех сторон: дядя Леня воевал, дядя Кузьма воевал, дядя Гриша, дед Иван. Все хотели играть танкистами. Танки бывают невидимые. То есть невидимые рычаги, невидимый мотор и твой рот, который заменяет и двигатель, и даже пушку. И ты пытаешься страшно командовать кому-то: «Механик, газу!». Слово «мотопехота» мы повторяли, как что-то очень героическое. Мы же видели это в кино, хотя чаще показывали немцев на мотоциклах, а наших ни разу. Поэтому сами довыдумывали.

А дядя Гриша, как малость выпьет, так громко всем объявлял: «Я командир роты противотанковых ружей!». Но мы нисколько его не боялись. А как это – с ружьем против танков что ли? Что-то сомневаюсь я, что из ружья можно танк подбить – мы брали у дяди Яши Грошева дробь на полочке, знаем. Честно сказать, мы и порох у него отсыпали немножко. Дробь для удочек, а порох для экспериментов.

А про погибших нам не рассказывали, хоть мы и знали, что приходили похоронки чуть не в каждый дом. И как в день, когда объявили о нашей победе, все радовались – бабка Паня рассказывала. И вдруг пришла почтальонка и принесла новые похоронки. И тетя Настя вдруг перестала плясать, упал на землю и завывала.

Дед мой Иван Алексеевич погиб под Могилевом, ему бы-

ло тридцать лет. Потом ещё четыре года войны, потом ещё четырнадцать лет и я появился на свет.

Мне кажется, что во мне живет мой дед. Я тысячу раз думал о нем, тысячу раз вспоминал о нем. Все пытался представить по единственной фотографии, как он выглядел. Я считаю, что у меня его характер. Мама рассказывала, что он был очень спокойным, улыбчивым и добрым. Не знаю, добрый ли я. Часто злюсь, часто срываюсь на глупость, часто потом пережевываю неприятность. Но я же чувствую, что во мне живет мой дед. Он разве не ругался тогда? Разве его не обижали?

Хотя он ведь уже Финскую тогда прошёл, вернулся цел и невредим. Значит добрее все-таки, чем я.

Я сто раз представлял его ранение в живот. Больно! Очень больно! Не смогла их дивизия из окружения вырваться. Много полегло, много попало в плен. Комдива, генерала Скугарева тоже взяли в плен. Все кончилось – и патроны, и снаряды, и связь. Да и то: почти два месяца они мотали немцев по болотам на реке Сож. Случайно нарвались на склад с боеприпасами и ещё продержались, и ещё фашистов помогали.

Но попали в окружение. 160 стрелковая – лучшая дивизия по итогам 1940 года. Хотя дед тогда ещё был простым кузнецом, его призвали-то 14 июня: боец опытный, можно хоть сразу в бой. Еле-еле успели до фронта доехать, рассыпали их по всей длине, как горох — кого куда, не разберешь.

Я раньше все хотел пофантазировать, придумать и написать, как он с товарищами был в плену на цементном заводе в Кричеве. А вокруг фашисты с автоматами. Собаки. Очень жарко – июль. Очень хочется пить, а пить нельзя. Да и воды нет, нет совсем. И очень больно! Очень! А потом забросил эту мысль: почитайте лучше про Христа, там все человеческие страдания записаны.

Деду Ивану было тридцать лет. «Дедко» – у нас так обращаются к дедушкам. Дедко, я тебе сейчас все расскажу!

Дедко, я к тридцати годам школу закончил, потом высшее военно-морское училище. Хожу с четырьмя звездочками – капитан-лейтенант, значит. Служу на корабле, на Тихом океане.

Дедко, у тебя родился правнук, ему уже годик. Твои дочери живы-здоровы, замужем, у них замечательные мужья и большие хорошие семьи. У тебя теперь четыре внука и одна внучка. А правнуков, боюсь просчитаться, тоже пять. И в каждом из них живешь ты, дед. Но я про тебя пока ничего не знаю. Мне ещё тоже только тридцать лет, как и тебе. Знаю, что ты без вести пропал где-то в Белоруссии. Но я постараюсь хоть что-то найти про тебя. Я буду искать в архивах, я буду писать письма. Ну не может такого быть, что целая дивизия пропала!

Да, дедко, через три года мы немцев выгнали из Белоруссии за две недели, а вы их держали три месяца. Отомстили и за тебя, и за твоих товарищей. И в войне мы победили, аж

до Берлина дошли. Но это ты, наверно, и сам знаешь.

Хотя про войну я теперь все-таки знаю больше, чем ты. А про ядерную бомбу слышал? Сначала мы подружимся с американцами, они хоть и к концу войны, но тоже решатся повоевать маленько против немцев. Но потом все равно рассоримся и почти полвека будем с ними кукиши друг другу вертеть. Да и сейчас от них, как от козла молока.

А хочешь смешной случай расскажу?

Идет твой правнук такой задумчивый, в землю смотрит.

– А я знаю, для чего у машины руль!

– Для чего?

– Вот не было бы руля, шоферу надо из кабины вылезать, колеса руками поворачивать...

Или это уже позже было, не в тридцать лет? Уже сам запутался. Точно, вспомнил – позже!

Мне же, как и тебе пока всего-то тридцатник! А внуку годик всего.

Это уже потом будет: и про руль в машине, и я немного повзрослею. Это все потом. Потом и страну нашу развалят. Да как-как? Мы и сами не заметили.

Помнишь же песню?

Киев бомбили.

Нам объявили,

Что началась война.

Вот и нам объявили, что страны больше нет. У нас уже тогда президент появился, как в Америке. Это сложно все

объяснять, дедушка, да и не очень интересно. Даже стыдно.

Но в свои тридцать я про это, как и ты, не знал ещё. Мы много строили, у нас был огромный флот, танков на сотни дивизий, мы стояли в Германии. Ты бы свою деревню Черные не узнал, у нас там недалеко новая школа теперь, асфальт.

Ты бы видел, какая красивая у меня была мама, твоя дочка!

Но нам стали что-то говорить плохое про вас, про Сталина и Ленина. Мы качали головами, но не верили (я правду говорю). Мы даже совершенно по-деревенски, не часто, но дрались из-за вас, честное слово. Потому что кто-то начинал верить в эту ерунду, а я знаю, что если бы ты тогда не погиб, то ты бы мне такого задал за эти сплетни! Коммунизм у нас не получился, это все сложно объяснить, но жили сносно, неплохо. Но потом мы все захотели стать капиталистами, купцами и владельцами собственных магазинчиков. Чтоб все это передавать своим детям, правнукам вашим, значит.

Кто-то и правда стал капиталистом, банкиром, но таких мало совсем. Как-то не получилось сразу у всех-то.

Но я опять забегаю вперёд, столько всего хочу тебе рассказать! Мне-то пока только тридцать лет, как и тебе. Но зато когда прошло ещё тридцать лет, то у нас снова хоть что-то стало получаться.

Купцом я не стал, честно дослужил. Да и никто из наших

купцом не стал, я даже не знаю, почему так получилось, а точнее, почему не получилось. Обманули? Нет, дедушка, сами обманулись.

Потом я буду в два раза старше тебя. Наверно тебе сложно понять, как это быть старше своего дедушки в два раза. Честно скажу тебе, Иван Алексеевич, быть стариком, хотя я не считаю себя стариком, очень даже неплохо. Ты не представляешь, сколько всего насмотрелся в этой жизни!

Вон дети растут. Им уже тоже больше, чем тебе годков. У них будут свои ошибки и это хорошо, ну правда же, дедко! Ну дай им, Господи, сделать их собственные ошибки! Но пусть это будут только ошибки по поведению, а не ошибки выбора.

Как считаешь, я прав? Что скажешь?

Тебе-то всего тридцать. Не такой замшелый, как я. Вся жизнь была бы впереди. В ней, в жизни, не всегда все гладко, но ты бы видел, как красиво взрослеют дети! Как замечательно умнеют сыновья и как расцветают дочери!

Мама моя, твоя дочка всю жизнь скучала по тебе. Да, она уже умерла, мне же уже далеко не тридцать. Как переживаешь за их, детей, школу и институты всякие! Как они смеются над твоими переживаниями. Пусть смеются! Ты вот так и остался с улыбкой только на фотографии. Больше скажу – пусть даже обижаются, или сердятся на меня. Ты не представляешь, как это здорово, когда на тебя обижаются, сердятся, а потом мирятся и смеются!

Ты вот какой запомнил жизнь, дедушка? Ведь не цементным же заводом в Кричеве! Ты запомнил свою жену-красавицу, бабушку мою, ты запомнил своих маленьких дочек, таких славненьких, таких лопочущих. Так бы ещё хоть разочек и потискал, и пообнимал их! И все равно не хватает жизни, чтоб насладится всем этим, а тебе-то всего тридцать. Я очень хочу, чтоб ты именно такой свою короткую жизнь запомнил! С пеленками, с детскими ручонками. Мы все стали старше тебя. Ты взял и заткнул эту дыру смерти твоих потомков. Как пробоину в борту корабля.

И мы живем. А пока ты умирал, мы «научились штопать паруса».

Иван Алексеевича, я не знаю, запомнят ли меня на столько лет. Но мы тебя помним многие и многие годы! И жизнь продолжается. Рождаются и растут дети. А я родился, когда всего лишь четырнадцать лет назад закончилась война. Дай, Господи, нам такую же силу духа, как была у вас!

Убитые бойцы Красной Армии Дело номер 69

1881 год. Замысловатое время. Заканчиваются годы Великих реформа Александра Второго. Император убит. На престол вступил Александр Третий.

Первые телефонные линии в Российской Империи. элек-

трическое освещение в Санкт-Петербурге.

Победой России закончилась Русско-турецкая война.

В 1880 году в столице было зарегистрировано сто велосипедистов.

Удачные испытания и дальнейшее развитие подводной лодки Александровского.

Проложен трансатлантический телеграфный кабель, производится целлулоид, изобретен динамит; железобетон.

Уже известен «Капитал» Маркса и Периодический закон Менделеева.

Владивосток получил статус города.

В. И. Ленину шел двенадцатый год.

Огромная страна, бесконечные территории и такой же бесконечный крестьянский труд. Вас не берёт оторопь от глубинности нашей истории? Можно ли сличить быт тех лет с нашим временем? Можно ли понять мысли наших предков?

Среди громоздкой истории страны я расскажу только одну – из небольшой Ковернинской волости Макарьевского уезда Костромской губернии.

После всех военных событий тех лет вернулся на родину в деревню Большие Талицы этой волости солдат Иван Дементьевич Гурылёв. Службу тогда уже уменьшили до 12 лет, из них семь лет в запасе, как мы бы сейчас сказали. Ну а если война, то топай, солдатик, снова на службу. Но и льготы имелись, даже пенсия в 35 рублей. А больше у Гурылева ничего

и не было. Прожил 55 лет, не молодой уже.

У других-то и лошади, и дома большие. И семейство огромное. Вон Курочкины, совсем рядом два брата Иван и Макар. Тогда их обзывали так: Иван Титов, да Макар Титов, отец-то у них Тит. Это уж потом стали Титовы Курочкины. А у Макара сын, например, Евдоким Макаров-Курочкин. Это мой прадед. А потомки Ивана Гурылева до сих пор соседствуют.

Это пока прелюдия. Лес для крестьянина – самая важная часть его жизни. Значит будут дрова, чтоб зимой выжить. Значит будет и пища, и тепло в доме. Значит будем что-то строить. Так было и триста лет назад, и сейчас.

А вы говорите, что в Питере появилось электрическое освещение.

А потом рождается уголовное дело. Разобраться в нем, даже имея весь материал, почти невозможно. И следователь Страхов разбирался, и так называемые надзиратели над лесом, но уж больно запутано, как и все подобные дела.

Пропало 28 деревьев в удельных лесах деревни Шляпино. Декабрь уже. Надзиратели только пеньки и увидели. Стали искать, да засады устраивать. Ну какие засады? Дороги-то зимние все через деревни лежат. Лесами дремучими не проедешь, полями не обойдёшь. Старост подключили. Бабенок побойчее. Надо искать.

Но ведь и украсть лес не так просто. Да ещё всякие порубщики его продают. Кто они такие никто и не знает: я продаю,

ты покупаешь. Даже сходку устраивали в Талицах, был там и брат Ивана Титова Макар. И все говорят, что лес не рубили, лес не воровали, да и не были там в Шляпино, далековато оттуда лес возить. Что-то купили у порубщиков, но это давненько уже было. Ничего не решили и разошлись. Пока.

Но вот 15 декабря едут возле деревни, едут не прячась два Ивана – Гурылев, да Титов. Гурылев, скорее всего, попросил с лошадкой помочь. И останавливают их надзиратели Тарасий Сидоров и Григорий Смирнов. Мы, говорят, нашли три новых пенька там в Понуровском обходе Шляпинской-Холломской дачи (так назывались делянки тогда).

– Так у нас же одно только! – Возмутился Гурылев.

– Сыщем и другие! Протокол сейчас выправим.

Нельзя, наверно, было Гурылеву у них бумаги отбирать, да в снег бросать. Но чего уж там – что сделано, то сделано.

Да, в это время Европа общается с Америкой по телеграфу.

Написали надзиратели жалобу мировому судье. Так, мол, и так. Мы тут стережём удельные секвестровые леса, но никак не можем совладать с местными мужиками. Что, мол, остановили мы двух Иванов с тремя деревьями. Да вот избили они нас, а бумаги все в снег побросали. И видело это безобразие множество свидетелей. А украли, мол, они три секвестровых дерева из тех 28.

И подписи свидетелей все есть, ваше высокоблагородие! Вот: Устин и Иван Архиповы, Петр Корнилов и Екатерина

Арсеньева. Да вот только одна незадача: свидетели все тоже по-разному болтают. То ли от маслобойни Архиповых везли три дерева, то ли через Талицы проезжали с одним деревом.

На 16 февраля назначается суд, вызывают обвиняемых, свидетелей. Дело уголовное.

Мировой судья:

– Свидетели, а вы видели, как они лес пилили?

– Нет.

– Свидетели, а вы видели, как они лес грузили?

– Нет, ваше высокоблагородие! Мы видели, как они везли вдоль деревни одно дерево.

— И все?

– Да, ваше высокоблагородие!

И мировой судья посчитал, что «не имею оснований привлечь к ответственности Титова и Гурылева».

Думаете что все? Была драка, или не была? Виновны, или нет? Одно дерево, три, или 28? Лес государственный, удельный, секвестровый!

Телеграф, железобетон и целлулоид – это, конечно, хорошо, но ведь и воров надо излавливать, да за государственный лес спрашивать.

И мировой судья отправляет дело №69 в уездный съезд мировых судей Макарьевского округа. Не как сейчас – апелляция, кассация, каждый истец доказывает свою правоту, а судья по своей внутренней убеждённости принимает решение. Нет, тогда было не так.

И съезд судей 1 мая 1882 года присуждает Ивану Титову, да Ивану Гурылёву по полтора месяца заключения в тюрьме. Судьи спрашивали по -совести, без присяги.

Но ведь и это ещё не конец моей истории.

Съезд мировых судей отправляет дело в Костромской окружной суд. Оправдали? Нет, окружной суд присудил Ивану Титову, да Ивану Гурылеву полгода заключения в тюрьму.

Такая вот история Государства Российского в масштабе моей семьи. Но я родился, и дети мои родились. И значит не зря жил-то мой предок Иван, да брат его Макар Титовы-Курочкины? Не зря! Конечно помучались. Посадили на все лето и осень. А дрова заготовливать кто будет? А сено? А деток кормить. Ну ничего-ничего. Семьи большие, да и брат по соседству. Братья всегда помогали, дружно жили. Как-нибудь выдюжим!

Изучив дело номер 69, я так и не понял, крали они секвестровый лес в удельной даче, или нет? Одно, или три? А может все 28? Нет, не крали, я думаю, свидетели не врут! Одно смущает, ещё ведь одно уголовное дело было на Ивана Титовича, дело номер 60, да сгорело оно, не существует. И тоже про кражу леса.

Поди разберись теперь. Без леса в деревне беда.

Было это 144 года назад.

М. Ю.

СЪѢЗДЪ

МИРОВЫХЪ СУДЕЙ

МАНАРЬЕВСКАГО

ОКРУГА

КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ.

18 марта 1882 г.

№ 449

ПОВѢСТКА.

Присудит. В. Манарьеву Швабцу Митюшу

Съездъ Мировыхъ Судей приглашаетъ Васъ, лично явиться въ засѣданіе Съезда на *1 Мая* 1882 г. въ 10 час. утра по дѣлу обвиненіи Васъ въ проступкѣ, предусмотрѣнномъ въ ст. *169* уст. о нак. нал. Мир. Суд

Непрерывный Членъ Съезда *А. К.*

За Секретаря *А. К.*

Дѣло 1882 г. № *449*

показывая свидетели спротивных на судъ, что
имъ ни кем извѣстно по долгу окрестно Титовыхъ
и Турчневыхъ севостровинного леса - непамяту Данилы
къ обвиненію Титова и Турчнева во крадѣ Зоревъ
полицей руководствуясь ст. 44 ст. 119 и 121

Трехстороннѣ.

Крестованина Улана Титова Курочкина 35 лѣтъ
отставного рядового Улана Тришневъ Турчневъ 35
лѣтъ, считатъ по настоящему долгу по суду оправдан
ными. Повинніе некомпетентнос объявлено во приговорѣ
распорядитъ согласно 128 ст. 44 ст. 119 и 121

Мировой Судья Г. С. Сиделъ

Последняя несправедливость

– Ну вот кто тебя за язык тянул? Сидел бы молча! А теперь-то что? Думаешь, что из области назад отвозят?

Это местный милиционер Савичев ругается. Ну как ругается – тихонько выговаривает, хоть и сам знает: чего уж теперь выговаривать, поздно. Наше дело задержать и отвезти в Горький.

Так что, гражданин Курочкин Михаил Сергеевич, рожденный 1877 года, пройдемте, как говорится.

Везут, «сопровождают», как написано в бумагах, в Горький. Эх ма, как бы денег тьма! Не жили богато, нечего и начинать!

«И чего жил?» - это уже Михаил: «Сидел бы тихо. Рождество уж скоро. Мавру жалко, пропадёт теперь жёнушка. Хорошо хоть успел уехать подсказать, не будет её теперь житья в Талицах». Да и сиди, не сиди тихо, эта Лёска все равно ведь чего-нито выдумает. Уж сидел, тише некуда. Ну спросят, отвечу мужикам. Не спросят, так и я не лезу. Мавра тоже всегда говорила: «Не лезь, твое ли дело! Сколько уж эта Лёса посадила? Вон, молвят, за Логином все ходит, следит. За Кузьмой. Да она как только видит где народ собрался, тут же, как змея подкрадывается. Помолчи, Миша! Ну, помолчи!». Чего теперь рассуждать! Расстреляют, ясно расстреляют! Хоть бы уж после Рождества.

Савичев тоже: «Да ты пойми!». А чего тут понимать, все перевертали, все перевернули, все припомнили. Я уж и сам забыл, а у них все записано. Будто бы начал я разложение колхозов аж в тридцать четвертом году. А чего тогда было-то? Да и ничего и не было. Мужики собрались возле черёмухи. Что, да как. Яшка и спроси, мол, что, Михаил, думаешь? А что думать? От колхозу-то для меня толку нет. Плотничать я и без колхоза умею. Соберемся с кем, избенку кому поставим.

Ну и услышал кто-то, народу-то много было. Вызывали потом к следователю, все расспросил. Ты, говорит, языком-то не мели. Предупредил, значит. Деньги за избенку кто получал? Ты? Мужикам рОздал? Наемные работники, значит. Но отпустил. Записал в кулаки, в бывшие кулаки. Сеялку забра-

ли, да мялку. Ну хоть инструмент оставили. А то беда была бы. «Эксплуататор и ростовщик» - так и записали. Мать их... Колька подошёл тогда: «Дай денег, верну, как кадки продам». Ну дал, он мужик-то не бестолковый, вернул все до копейки.

А следовательно: «Деньги в долг давал?». Давал! Значит ростовщик. А какой я кулак? Домишко так себе. И нет ничего, считай. Записали, что, мол, нашли контрреволюционные церковные книги. А они, чай, у нас ещё от тятеньки в доме. Как без книг-то?

Да, Мавре тяжело будет. Ну ничо, она у меня баба крепкая. Ну дом не продаст, кто уж купит. Сгниёт дом-то, жалко. И братьям он не нужен – запишут каким-нибудь контрреволюционером. Веселая она у меня была, добрая. Когда белогвардейцев искали по деревням, так она и спасла меня: «Какой он белогвардеец? Он при царе в инженерных войсках служил! Чай не партизанил!».

А я ещё спрашиваю у Савичева, когда, мол, я коммунистам угрожал? Я и не знаю, кто у нас в коммунистах то. А Савичев-то:

- Ты говорил, что в теньке под берёзой-то хорошо лежать?
- Говорил, вроде.
- Говорил, что у вас, мол, топоры, да пилы, работа, не дай бог, что случится?
- Ну!
- Вот тебе и приговор при свидетелях. Куда я эти пока-

зания дену? Что написано пером, так не вырубить и твоим топором! Говоришь вам, говоришь, учишь вас, учишь.

Ладно, чего уж там рассуждать. Случая не было, чтоб из Горького возвращали, уехал – все, можно котомки собирать, да по миру итти. Надо было ещё в двадцать втором уйти к черту за Керженец. И деньжонки тогда чуть появились. И была ещё возможность. Да и помоложе был. А сейчас-то уж что горевать. Или убьют, или с голодухи помру. Тоже ведь сил-то мало стало. Ну может ещё годик-два топором-то помахал бы. Да про войну все мужики бают.

Так что ладно. Пожил. Шесть десятков уже. Мавру только жалко. Ну Бог даст, не пропадет Она баба у меня крепкая.

– Слышь, Савичев, а бабе-то хоть сообщат про расстрел?

– Нет. Про кээрдэшников не сообщают.

– Как собаку что ли убьют?

– Да нет, все по закону. Ну там прокурор, начальник НКВД. Я скажу Мавре Васильевне, не переживай. А может ещё и вернёшься, ты уж не загадывай. И Логина предупрежу пока, что языком не болтал.

– Ты скажи Ефиму, чтоб косы, да топоры мои забрал себе.

Сгодятся косы-то, они у меня семиручные.

– Скажу!

Проехали плашкоутный мост. Канавино. Сормово. Вот и новый мост через Оку. Морозно сегодня. А снег-то как скрипит! Всё! Окрики. Собаки. Вылазь давай!

Расстреляли «беспартийного б.кулака, ростовщика и экс-

плуататора, малограмотного» Михаила 18 января, после Рождества Христова, как и загадывал. Реабилитировали в 1989 году.

Пропал и Логин Макарович, это брат моего прадеда выходит. Даже дядя Боря Ничего не знал про своего отца.

А у меня только один вопрос остался – вопрос к самому себе. Мы часто ворчим на несправедливость какого-нибудь штрафа с видеокамер. Пошипишь-пошипишь, друзьям расскажешь, они покивают, да и забудут через минуту («подумаешь, штраф!»). Да и сколько таких несправедливостей! Но вот гложет и гложет она, несправедливость эта. А как переживал последнюю несправедливость в своей жизни человек, которому уже объявили приговор, лживый приговор по навету, который сидит в камере, который знает, что не держал зла на людей, не украл, не убил, который не понимает свою вину и знает, что выхода уже нет и никто не помилует, не пощадит? Когда все всё понимают.

Лучше бы уж сразу в деревне, в Талицах. При людях. И чуда не произойдёт. И этот страшный сон не прекратится, как бывает, когда утром открываешь глаза. Впереди неотвратимая смерть по приговору. Смерть осознанная, плановая, официальная, оформленная, но не об Бога. Неужели все равно, как умирает человек? Носит ли эту обиду его душа? Остается ли эта несправедливость нам, или она вместе с убиенным уходит куда-то? Если остается на земле, то кто носит её, кто страдает?

А будет ли справедлив Господь наш там? Воздаст? Воздаст! Иначе нельзя! Иначе уж совсем все без смысла. Понять бы это замысел божий, да и самому стать хоть чуточку умнее.

Район Товаринский Сельсовет Ташумский Форма № 5-н
По списку ф. № 7-11 хозяйств № 1 Утверждено НКФ СССР № 890/187 от 10.9.1938 г.

АКТ ОПРОСА

по учету сельскохозяйственных доходов, подлежащих обложению сельхозналогом у хозяйств колхозника

1934 г. Акимов месяца 4 дня налоговой агент Т. В. Вильковский

г. Товариное райфинотдела Торшова Иван Иванович произвел опрос
Фамилия, имя и отчество проживающего Т. В. Вильковский надписи

г. Ташумский о наличии и размере сельскохозяйственных доходов за время с 1 июля 1934 г. по

сезону Ташумский 9е

30 июля 1934 г.

При этом устанавливается:
За указанный период хозяйство г.р. Ташумский

получило следующие сельскохозяйственные доходы (привести название и подробный расчет дохода)

1. Пшеница 1000 кг. 1000 руб.
2. Ячмень 500 кг. 500 руб.
3. Картофель 500 кг. 500 руб.
4. Сахарная свекла 500 кг. 500 руб.

Общий доход от всех видов сельскохозяйственных заработков составил 500 руб.

Настоящий акт составлен по моим показаниям и мною прочитан.

Подпись плательщика Ташумский Подпись налогового агента Ташумский

Почти про политику

Да уж! Старею что ли? Россия, которую мы потеряли. Жили в нашей деревне русские, татары, башкиры, евреи, поляки, немцы. У всех была работа. Когда я рассказываю своим сыновьям, что в деревне были вакансии, они уже не верят. Да, была работа! Врачи, электрики, колхозники, шофера, механики, лесничий, зоотехники, агроном, культработ-

ники, несколько начальников (отец – начальник автошколы).

В поселке учебные заведения: четыре школы. ПТУ, где готовили строителей, механизаторов. Автошкола. музыкальная школа. Три Дома культуры.

Куча всяких Межлесхозов, Леспромхозов, Сельхозтехник, АТП. Три завода (льнокомбинат, два кирпичных).

Дома был телевизор, даже три, первый появился в 1965. Холодильник, всякая мебель. Обувь для всех – девать некуда, правда я не знал о таком чуде, как чешские сапоги, или кроссовки, ну и хрен бы с ними, вместо них –кеды. Отец умел и сам обувь шить. Он вообще очень многое чего умел делать руками. Я и трети из его умений не знаю. Всё забыли.

Помочь бы деревеньке.

Мы поколение, которое ело морковку с грядки. Огромное ещё пока поколение. Может быть и эта морковка помогает нам жить и выживать? Кто знает. Молоко своё, мясо в магазине я впервые увидел будучи совсем взрослым – тоже своё. Хлеб и сами пекли и покупали – какой же он был душистый!

Мне часто боязно за своих детей – фастфуд, искусственное молоко, ненатуральный хлеб. Что они едят! То, что мне принадлежало без сомнения – учёба, работа – им достаётся через чёрт знает какие коллизии.

Клянусь, у меня не было мечты прорваться в Москву, я был удовлетворён нормальной жизнью хоть на Камчатке, хоть в деревне. В деревню возвращалось довольно много офицеров запаса, находили работу – кто в школе, кто во вся-

ких учреждениях. Устраивались. Нужны были.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.